

[00:00:00] [Начало записи.]

- Олег Смолин, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации РФ по образованию и науке, председатель Общероссийского общественного движения «Образование – для всех».

Павел Воробьев, советник губернатора Орловской области, заведующий кафедрой гематологии и гериатрии Института профессионального образования Первого МГМУ им. Сеченова, председатель правления Московского городского научного общества терапевтов.

Елена Драпеко, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации по культуре.

Владимир Иванов, заместитель президента РАН, член-корреспондент РАН.

Нина Кузьмина, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, ректор Академии труда и социальных отношений.

Марко Риччери, генеральный секретарь Европейского института политических, экономических и социальных исследований.

Валентина Музычук, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, профессор продюсерского факультета Школы-студии МХАТ.

Олег Смолин: Добрый день, уважаемые коллеги! Позвольте сердечно приветствовать участников Московского экономического форума в этом зале. Сегодня мне выпала необычная роль ведущего, или, как сейчас модно говорить, модератора. Мы специально остро сформулировали тему нашей дискуссии «Социальная политика и развитие человеческого потенциала как ключевой фактор модернизации страны».

Вы прекрасно понимаете, что еще совсем недавно мы слышали, что так называемая социалка – это мадам, которую нужно как можно быстрее снять с дилижанса для того, чтобы кони двигались быстрее. Во многом и сейчас мы наблюдаем в реальной политике именно такое отношение к социальным проблемам, хотя многие из тех, кто еще недавно призывали к экономии на человеке, перестроились и требуют бюджетного маневра. О том, почему социальная политика является ключом к развитию модернизации страны через человеческий потенциал мы будем говорить с нашими участниками. Участники у нас очень интересные.

Я предлагаю начать с выступления Кузьминой Нины Николаевны, заместителя председателя Федерации независимых профсоюзов России, ректора Академии труда и

социальных отношений, кандидата экономических наук, человека, выступления которого очень интересны, я слушал неоднократно. Надеюсь, сегодня вы услышите Нину Николаевну с большим интересом.

Нина Кузьмина: Спасибо, Олег Николаевич. Отдельно за такое представление.

Тема моего выступления задана Олегом Николаевичем, задана жестко – «Оплата труда в Российской Федерации. Оплата профсоюзов». Объясню почему.

Уважаемые участники дискуссии, участники форума, на этом слайде представлена динамика среднемесячной начисленной заработной платы в среднем по Российской Федерации. Казалось бы, картина поступательно развивающаяся,двигающаяся вперед. Посмотрим, так ли это на самом деле.

На этом слайде представлено распределение заработной платы работников по 10%-ым группам работников. Росстат у нас раз в два года проводит такие обследования. На этом слайде представлены результаты исследования Росстата в апреле 2017 года, а я попрошу подольше задержаться вот на этой картинке.

Дело в том, что мы видим, как половина совокупного фонда оплаты труда уходит на верхних два дециля, в то время как медианная заработная плата (зеленая линия), она составляет 28 тыс. 333 руб. (это по данным Росстата в апреле 2017 года), она захватывает практически шестую децильную группу в том числе. Получается, что и медианная заработная плата у нас меньше некой красной линии. Красная линия – это минимальный потребительский бюджет.

Все знают о том, что у нас в основе регулирования оплаты труда или в качестве ориентира для минимальной гарантии по оплате труда кладется прожиточный минимум трудоспособного населения. Что это такое? Прожиточный минимум не является достаточным для того, чтобы в полном размере возместить затраты рабочей силы. В полном размере возместить затраты рабочей силы позволяет бюджет следующего уровня, так называемый минимальный потребительский бюджет, и у меня в презентации есть и такая картинка тоже. Что это такое? Обращаю ваше внимание, что если мы условно назовем минимальный потребительский бюджет «себестоимостью» в кавычках рабочей силы, то меньше этой самой себестоимости у нас будет оплачиваться практически 2/3 работников. Я умышленно использовала технократический термин для того, чтобы было понятно, что у нас происходит с рабочей силой, и какие у нас последствия здесь.

[00:09:48]

Если мы думаем, что у нас такая ситуация только в 2017 году – ничего подобного. В 2015 году картинка была примерно той же самой. Я обращаю ваше внимание на то, что и в 2017 году, и в 2015 году такие гарантии по оплате труда и такое регулирование оплаты труда в стране приводит к тому, что более-менее рентабельной становится модель семьи, где два трудоспособных без ребенка или один трудоспособный и один ребенок. Все, полная семья с детьми не вписывается в такую модель организации оплаты труда, которая сложилась к настоящему времени.

На этом слайде представлено распределение общей суммы начисленной заработной платы по 10%-ым группам работников в 2013 году, на этом слайде в 2011 году, и так далее. То есть вы видите, что никаких принципиальных изменений нет.

Если мы продолжим ретроспективный анализ, узнаем, что на протяжении практически четверти века у нас заработная плата не возмещает всех затрат рабочей силы. А что это означает по постулатам рыночной экономики? Если какой-то товар на рынке оплачивается по цене ниже себестоимости длительное время, то предложение этого товара резко сокращается, качество его резко ухудшается, что мы и имеем сегодня на рынке труда, потому что рабочая сила хотя и специфический, но все-таки товар, товар особого рода, и в чистом виде постулаты рыночной экономики сработали на этом товаре.

[00:11:28]

Сегодня какая проблема у нас основная у всех практически наряду с финансовыми ограничениями? Ограничение кадровое – низкое качество рабочей силы. Об этом говорят многие.

Еще один миф, о котором говорят многие – о том, что у нас заработная плата растет не в меру роста производительности труда. Но, тем не менее, у нас давно производительность труда считается не так, как она раньше считалась в советские годы. Полноценная статистика производительности труда отсутствует. И если мы посмотрим на то, как это сегодня определяется, то увидим, что к действиям конкретного работника это не имеет никакого отношения, и методика самой оценки этого показателя заранее такова, что числитель занижается, знаменатель заведомо завышается в силу разных допущений, которые используются при этом показателе, и таким образом, получается, искаженный показатель, сравнивается с которым динамика заработной платы.

В частности, в знаменателе число производящих. Там затраты труда в эквиваленте полной занятости. Но где и когда мы видели полную занятость при наших вакансиях, больничных листах, отпусках, и так далее, и тому подобное? К тому же, у нас есть определенного рода

допущения при определении численности занятых в разных отраслях экономики, в частности в строительстве. Кто знает, сколько там занятых? А какие-то цифры по оценке производительности труда там у нас существуют. Или не считает производительность труда в культуре, образовании, здравоохранении, но какие-то цифры там есть. А какие?

В числителе финансирование Минфина на отрасли, и если Минфин недофинансирует, допустим, культуру, то производительность труда в сфере культуры будет заведомо ниже, чем она есть на самом деле.

На этом слайде представлены данные, которые использовались Минэкономразвития в 2010 году для обоснования на Госсовете тезиса о том, что у нас очень низкая производительность труда в сравнении с так называемыми развитыми странами. Тем не менее, пересчет на рубль оплаты труда показывает (красные цифры), что наш работник в 3-3,5 раза эффективнее своих зарубежных коллег – Германия, Франция, Испания, – которые попали на этот слайд, но за исключением электроэнергетики, там свои беды, свои проблемы.

Я специально пользуюсь разными источниками, которые показывают, что это не только какие-то наши такие тенденциозно подобранные факты.

На этом слайде представлены результаты исследования Высшей школы экономики. Они тоже показывают, что доли оплаты труда в валовой добавленной стоимости, в том числе в промышленности, они сокращаются. Кстати, это не только тенденция Российской Федерации, это общий глобальный тренд, такое происходит во всех экономиках мира. Почему?

Иллюстрация. Доля оплаты труда в разных товарах. Скажем, в iPhone 6, когда он был произведён в свое время, из 649 долларов цены за единицу товара только 4 доллара составляли затраты труда. Футболка из Германии, посмотрите, пожалуйста, общая стоимость этой футболки, 4,95 – доля труда. Кроссовки – 120 евро, доля труда – там все написано, без комментариев. Почему? А вот почему. Так функционирует глобальная экономика, так называемые глобальные цепочки поставок, глобальные цепочки создания стоимости, когда ряд звеньев этой цепочки находится в офшорах. Таким образом к распределению вновь созданной стоимости в ряде экономик приходится катастрофически мало денег, и это является основой несправедливости.

[00:15:58]

А теперь возвращаемся к нашей стране. Действующая потребительская корзина плюс налоги – это так называемый прожиточный минимум пенсионера, ребенка, других

категорий, – это должно быть ориентиром для установления размеров социальных пособий нестраховой природы, несвязанные с оплатой труда. Если мы говорим об оплате труда, то минимальной гарантией по оплате труда у нас должен стать минимальный восстановительный или потребительский бюджет, который является стоимостной оценкой восстановительной корзины, там плюс налоги, страховые расходы и сбережения. Минимальный восстановительный потребительский бюджет представлен на этом слайде. Смотрим, что там есть кроме абсолютного минимума еще какие-то другие расходы: на обязательные платежи и сборы, расходы на формирование сбережений. Почему? Потому что главный постулат рыночной экономики – это то, что каждый фактор производства должен приносить своему собственнику доход, а значит заработная плата должна содержать не только возмещение затрат рабочей силы, но и так называемую амортизацию, иждивенческую составляющую, а также прибыль, которую работник может инвестировать в свое собственное развитие. Спасибо большое!

Олег Смолин: Спасибо большое, уважаемая Нина Николаевна!

Коллеги, пока вы аплодируете, хочу сказать, что в адрес нашей пленарной дискуссии поступило приветствие заместителя председателя Правительства Российской Федерации Ольги Юрьевны Голодец, на мой взгляд, самого социального человека в Российском правительстве. Если бы Ольга Юрьевна была еще и монстром финансов, у нас во многом другая была бы социальная политика. Это как человек, знающий ситуацию, я вам берусь утверждать со всей ответственностью.

Не отслюись времени на вопросы для Нины Николаевны. Зато мы переходим ко второй части нашей дискуссии.

Как известно со времен Шопенгауэра, на 80% наше счастье зависит от нашего здоровья. С другой стороны, если верить социологическим опросам, 70% граждан России именно состоянием здравоохранения озабочены в наибольшей степени среди социальных проблем. Об этом нам расскажет Павел Андреевич Воробьев, доктор медицинских наук, многолетний заведующий кафедрой гематологии Института профессионального образования Первого московского государственного медицинского университета им. Сеченова, в настоящее время советник губернатора Орловской области по вопросам здравоохранения. Павел Андреевич, вам слово.

Павел Воробьев: Спасибо большое, дорогие друзья! Буду говорить очень конкретно, без слайдов и цифр.

Когда мы говорим о системе здравоохранения, то мы все, в основном пользуясь собственным опытом, говорим о городском здравоохранении, а на самом деле огромные проблемы у нас именно на селе, в сельской местности, в деревнях и районах, и там обитают миллионы наших граждан, которые находятся в наихудших условиях. И проблемы сельского здравоохранения нарастают как снежный ком с огромной скоростью и не решаются. Точнее нам все время рассказывают некие иллюзии о решении этих проблем, а на самом деле это не так.

Наше высокое общество, эксперты не готовы обсуждать эти проблемы, потому что они их просто не знают, хотя сегодня можно на них посмотреть с другой стороны, и найти пути решения.

Я много лет езжу в экспедицию, которую мы посвятили поискам справедливого здравоохранения. Я на колесах доехал до Сахалина, до Магадана, до Ямала, объездил всю Россию, и проще по пальцам одной руки посчитать те регионы, в которых я не был, и езжу я, как вы понимаете, не по городам, а совсем даже по весям. Поэтому я имею возможность обобщить ситуацию в поселках, и сказать, что там, скорее всего, здравоохранения нет, чем оно есть. Но свято место пусто не бывает, и там, естественно, появляются заменители здравоохранения, которые собирают огромные деньги. Это различные знахари, бочки Прасковьи, и так далее. Они деньги-то свои собирают, но здоровья при этом никакого не оставляют.

[00:20:16]

Поэтому тезис первый – это исчезновение медицины проводится замещением проходимцами всех мастей. И надо понимать, что платная медицина – это в первую очередь грабеж, в некоторой степени это оказание медицинской помощи. Это главный тезис.

Районные больницы, ФАПы. Сегодня это тени исчезающей системы здравоохранения, где всеобщая доступность обуславливалась доступностью к телу медицинского работника. Но медицинский работник пальцем сегодня работать не может, да и к тому же, их становится все меньше и меньше.

Число врачей и фельдшеров района примерно в два раза меньше, чем число фельдшерско-акушерских пунктов там же. Но главное, на сегодня изменились медицинские технологии, и мы этого недооцениваем. Сегодня лечение основных болезней, которые обуславливают 80% всей патологии, экономичности, проблематики и так далее – это так называемые хронические неинфекционные болезни: диабет, гипертония, сердечная недостаточность,

хронические болезни легких, суставов, и опухоли. Эти болезни лечатся лекарствами, и это зона ответственности сегодня так называемого ответственного самолечения. Сами люди лечат себя без медицинского работника.

Естественно, ответственное самолечение – в первую очередь это доступность бесплатных лекарств, и здесь в нашей стране ужас. С одной стороны, мы за огромные деньги лечим 300 человек, тратя на это примерно 6-7 млрд руб. в год, не зная вообще об эффективности этой терапии. Это реальные факты, реальные болезни. С другой стороны, миллионы граждан лишены доступности к грошовым лекарствам, которые позволяют им жить долго и счастливо.

Есть программа ОНЛС, может быть, кто-то про это слышал, и в народе ее иногда именуют монетизацией льгот. Это античеловечная программа. Она касается на круг до 30% населения в некоторых регионах. При этом она позволяет деньгами забрать те средства, которые отпущены на лекарства. Эти деньги проходят через пенсионный фонд, они не поступают ни в систему медицинского страхования, ни в здравоохранение, и Пенсионный фонд устроил такую систему, где человек один раз в жизни написал заявление, больше не получает лекарственной помощи, но зато получает 800 руб. добавки к пенсии. Таким образом государство покупает жизнь людей напрямую. Еще раз повторяю, число отказников сегодня в некоторых регионах составляет 95%. Эта программа должна быть вне закона.

Возвращаясь к ФАПам. Врач общей практики – врач, который способен выполнять самые разные виды медицинской помощи. Сегодня нормативно-правовая база по этому поводу отсутствует, она застряла где-то на уровне 2005 года. Работают в районах специалисты следующего класса: рентгенолог-дерматовенеролог, хирург-нарколог-ЛОР-офтальмолог в одном лице, гинеколог-психиатр-эндокринолог. Какую помощь они оказывают, как вы думаете, по каждой специальности? Но на таких четырех врачей в ЦРБ работает 49 живых людей на ставках, а ставок всего около 100 штук. Ясно, что на район, где живет 4-5 тыс. человек, прокормить всю эту армию нельзя, но, с другой стороны, это градообразующее предприятие для такого района. Надо объединять такие ЦРБ с крупными больницами, создавать опорные больницы. Это не должны быть межрайонные больницы, это должны быть именно опорные больницы, хорошо оснащенные, а в маломощных ЦРБ создавать офисы врачей общей практики. И здесь нам на помощь приходит информатизация, которая давно дошла до села. Есть понятие «телемедицина», компьютеры есть у всех, наладонники сегодня есть у многих, и больные люди могут спокойно с помощью интернет-технологий самостоятельно себя контролировать и лечить. Им только для этого нужны лекарства. А для

того, чтобы получать лекарства, есть лекарственные автоматы, которые работают во всем мире, и по решению врача выдают нужное количество нужных препаратов.

ФАПы надо прекращать, это экстенсивный путь развития. Нужно развивать телемедицинские технологии, терминалы, доводить их до каждого поселка и до каждого жителя. Сравните: ФАП стоит 10 млн руб., а терминал 100-200 тыс. руб. при полном фарше, что называется.

И последний вопрос был про страховые компании. Страховые компании надо закрывать, это очевидно. Они съедают 10-15% денег здравоохранения, ничего не добавляя в систему здравоохранения. Фонды ОМС вполне могут аккумулировать средства, распределять их на медицинскую помощь напрямую медицинским организациям, причем сегодня реально так и происходит. Фонды выдают каждой медицинской организации лимиты. Поэтому мне кажется, что нужно просто навести порядок в том, что сегодня есть, а не просить новых и новых денег. Просто нужно оценить те возможности, те технологии, которые можно применять, развивать. Это технологии современные, это не возврат куда-то в старое время, но мы сегодня точно транжирим огромные деньги, а все время просим дать еще.

Олег Смолин: Спасибо, Павел Андреевич. Правда, не могу удержаться от замечания, что в России, как я понимаю, на медицину выделяют 4% от валового внутреннего продукта, а норма Всемирной организации здравоохранения 6%. Но это в порядке лёгкой дискуссии. Но, Павел Андреевич, еще будет возможность возразить в заключение.

Как известно, науки юношей питают, отраду старым подают. Мы находимся в здравоохранении Российской академии наук. И я с большим удовольствием предоставляю слово Владимиру Викторовичу Иванову, члену-корреспонденту Российской академии наук и заместителю председателя Российской академии наук. Тем более, что говорят, вчерашнее выступление президента Академии наук повергло в шок и вызвало бурные дискуссии в российских средствах массовой информации в частности в связи с предложением отменить или по крайней мере реформировать Единый госэкзамен. Пожалуйста, Владимир Викторович.

Владимир Иванов: Большое спасибо, Олег Николаевич. Уважаемые друзья и коллеги, когда мы рассматриваем вопросы социального развития, вопросы образования, то мы должны учитывать два важных фактора. Первое – это мы должны ориентироваться и иметь в виду те глобальные тенденции, которые есть во всем мире, и второе – этот сектор нельзя рассматривать в отрыве от всего остального экономического состояния у нас в стране. Исходя из этого мы и построим свое выступление.

1 марта президент Российской Федерации задал новый вектор развития нашей страны, где на первое место вышло повышение качества жизни. Я напомню, что совсем недавно основная задача развития ставилась совсем по-другому – удвоение ВВП, а теперь мы переходим к повышению качества жизни. И здесь три еще основных задачи: преодоление технологического отставания, пространственное развитие, обеспечение обороны и безопасности. Это полностью соответствует тем глобальным тенденциям, которые мы наблюдаем в мире, и которые сейчас можно определить как глобальная гуманитарно-технологическая революция. Основная цель – это повышение качества жизни на основе новых технологий. И здесь принципиальным является вопрос смены парадигмы человека для экономики на экономику для человека.

В двух предыдущих докладах нам показали о том, какой у нас уровень заработной платы, какой уровень медицинского обеспечения. А чем это вызвано? Только одним желанием – это максимум выжать возможностей человека для получения каких-то прибылей, цель расходования которых совсем не определена.

Вчера в этом зале мы слышали с вами информацию о том, какие деньги были направлены на восстановление банковской системы. И куда эти деньги делились – этот вопрос остался открытым. Поэтому еще раз вернемся к первой позиции, что основная проблема в том, что мы должны перейти к парадигме «человек для экономики». А ключевым фактором этого является изменение нашей среды обитания.

[00:29:31]

Дело в том, что за счет технологического развития мы вокруг себя сформировали принципиально новую среду обитания. Мы живем теперь не в природе, как это было и как мы сейчас иногда думаем, что мы живем, когда мы рассуждаем об экологии. На самом деле, вокруг нас технологии. Яркий пример – наше присутствие в этом зале. Вокруг нас сплошные технологии, включая воздух. Ближайшая экология в плане природы отсюда километров за 10 на МКАД. Но ситуация здесь осложняется еще вот чем – что новые технологии требуют и новой культуры, потому что, если мы вспомним все крупные техногенные катастрофы, начиная от ядерной бомбардировки 1945 года, и кончая последними, то, что мы с вами наблюдали буквально за прошедший месяц, у них есть одно общее – недостаток культуры. Но не культуры в плане творчества, а культуры эксплуатационной, технологической, культуры разработки. Значит, здесь выходит два новых фактора, которые обязательно надо учитывать: это экология технологий, то есть мы должны создавать технологии, которые нам не препятствуют, не мешают жить, и второе – это культура, как мы с этими технологиями обращаемся.

Современная наша среда обитания выглядит таким образом: человек, вокруг которого технологии, и за этим технологическим барьером только располагается природа. Это наша сегодняшняя реальность. И это и есть, пожалуй, основные контуры современной глобальной технологической революции, где на фоне мощного технологического развития в области энергетики, цифровых технологий происходит трансформация в экологии и формируется постиндустриальное общество.

Еще раз поясню, что постиндустриальное общество – это не то общество, где нет производства, а это то общество, где человек не занимается индустриальным (физическим) трудом. Весь этот процесс автоматизирован за счет той цифровой революции, о которой мы сейчас говорим. Но все это требует изменения парадигмы образования.

Технологическую основу, которую мы уже можем видеть, составит постиндустриальный технологический уклад. Это не пятый уклад, не шестой уклад, как вчера рассказывал Сергей Юрьевич Глазьев, а это уже следующий уклад, который будет ориентирован на обеспечение повышения качества жизни. Слева вы видите приоритетные факторы развития.

А теперь что мы ожидаем? Можно ожидать формирования нового мирового уклада, где лидирующее место займут страны — технологические лидеры, это страны золотого миллиарда, которые будут пользоваться всеми благами цивилизации. Что касается России, то мы имеем шанс пойти по любой из этих трех траекторий, которые вы здесь видите на слайде. Вопрос о том, какое мы примем решение. Но вопрос: где мы находимся сейчас?

Вот итоги трансформации РАН. Первое. Основная декларируемая цель, что «наука ученым, управление администраторам» не достигнута. Управление фундаментальной науки сейчас находится в руках администраторов и хозяйственников. Кроме этого мы получили дезинтеграцию научно-технологического пространства, поскольку была разрушена региональная структура РАН, а это вообще-то уже есть не что иное, как прямая угроза национальной безопасности. Низкий уровень ресурсного обеспечения, разрушение системы подготовки научных кадров, поскольку аспирантура – это теперь уже не первый шаг научной карьеры, а это очередная ступень образования. И, наконец, численности научных работников, что является самым, к сожалению, грустным показателем, поскольку, если мы теряем наши квалифицированные кадры, то это значит, что мы движемся не в направлении развития.

Для справки: за время реформы РАН потеряла по численности научных сотрудников практически два физических Института академии наук им. Лебедева. Что это такое, думаю, не надо объяснять в этой аудитории.

Вот наша сегодняшняя система управления наукой. Система разбалансирована. Есть четыре центра принятия решения, которые между собой слабо взаимодействуют, коррелируют. Кроме того, функция управления наукой регулируется по крайней мере шестью законами, которые между собой тоже мало связаны.

А вот как выполнен Майский указ Президента по финансированию науки. Согласно этому указу к 2015 году доля науки в структуре ВВП должна составит 1,77%. Мы имеем сегодня 1,10%.

Краткие выводы. Глобальная гуманитарная технологическая эволюция – это вызов, к которому мы не готовы. Нам надо срочно менять систему управления наукой, образованием, и систему подготовки управленческих кадров.

А вот теперь ответ на тот вопрос, который задан в нашей программе. Качество жизни является основным фактором конкурентоспособности государства. Если у нас есть люди, если у нас высокое качество жизни, то мы можем делать все.

И второе. В развитых странах наука, образование, культура являются не услугами, а базовыми элементами развития, ответственность за состояние которых несет государство. Спасибо.

Олег Смолин: Спасибо, уважаемый Владимир Викторович. И, как известно, де Голлю принадлежит знаменитая фраза «Культура – это нефть Франции». У нас пока еще есть и нефть, и, слава богу, культура.

[00:35:03]

Я думаю, что для России культура все-таки еще важнее нефти, и с большим удовольствием предоставляю слово Елене Григорьевне Драпека, заслуженной артистке России и заместителю председателя Комитета Государственной Думы по культуре, соответственно, моему коллеге по Государственной Думе. Елена Григорьевна, с большим удовольствием предоставляю вам слово.

Елена Драпеко: Спасибо, Олег Николаевич. Выслушав печальные сообщения моих коллег, я могу сказать, что области балета мы по-прежнему впереди планеты всей.

Культура в Российской Федерации за последние годы все-таки привлекла к себе внимание. Мы достаточно громко требовали от Правительства, от президента обратить внимание на национальную культуру, требовали даже национального проекта в области культуры. Ничего этого не было, но жизнь сама заставила наше Правительство обратить на нас

внимание, потому что и внешние угрозы, и требования внутренней стабильности обратили внимание на то, что культура – это и есть, на самом деле, выражение идеологии.

Что есть культура, чем она вообще занимается? Еще 20 лет назад рассказывали, что это услуги в области развлечения населения. Серьезные люди, философы сказали давно уже, наверное, 200 лет назад, что культура – это система формирования смыслов и ценностей в обществе. Именно через культуру общество транслирует то, в чем состоит смысл жизни гражданина, народа, человечества, как мы это понимаем. И формирует систему ценностей. Сегодня мы находимся на переломном этапе, потому что главной ценностью примерно 15-20 лет жизни, которая транслировалась через все наши каналы на население, было формирование системы потребления. Мы формировали человека, грамотного потребителя. И, наконец, буквально в последние годы возникла новая тема – формирование человека творческого, человека, который формирует вокруг себя среду, а не среда формирует его. Эти задачи, поставленные перед национальной культурой, призваны были решать наши институты. И тут хочу сказать, что мы очень продвинулись.

В нашем современном технологическом обществе культура очень восприняла все новации, которые существуют сегодня в мире. Например, то, что касается дистанционных коммуникаций. В Российской Федерации работает крупнейшая в мире система информирования граждан Российской Федерации о том, что происходит не только в культуре федеративных центров Москвы, Петербурга, Екатеринбурга, но мы можем сегодня в системе онлайн в каждом вашем телефоне или компьютере отследить все новости культуры во всех регионах Российской Федерации, и даже в небольших городах. Посмотрите портал культура.рф.

Мы сегодня подключаем все что возможно к интернету, и пытаемся достичь совершенства.

Следующая тема. Мы пытаемся проникнуть все-таки в глубинку с тем, чтобы там возродить какие-то утраченные, или сохранить то, что у нас есть, ростки национальной самодеятельности. И сейчас работает у нас программа поддержки городских небольших театров (выделены деньги в бюджете), и программа восстановления тех самых клубов, которые были построены в 1970-80-е годы при советской власти, пришли в упадок, а сегодня мы пытаемся их реанимировать.

Мы пошли по пути создания крупнейшей в мире системы, которая называется «Национальная электронная библиотека». Возможно, в этих стенах это будет интересно, потому что «Национальная электронная библиотека» не имеет аналогов в мире. Это библиотека, электронный ресурс с распределенными ресурсами. Если в мире существуют крупнейшие дата-центры, где собираются все данные, то наша система предполагает

существование и хранение ресурсов там, где они есть, и только в системе онлайн через центральный центр поступает потребителю. Если нам сейчас в Государственной Думе удастся преодолеть всякие внутренние проблемы, то возможно 100% издаваемого, сочиняемого на территории Российской Федерации уже в будущем году смогут поступать в эту систему.

[00:40:23]

Но возникает проблема авторского права, и тогда возникает проблема другая. Если мы будем выкупать у авторов эти произведения, то нам не хватит никакого бюджета. Поэтому мы сейчас предлагаем другую систему. Мы храним 100%, а выплачиваем авторам только по факту обращения к их произведениям. Такую систему мы предлагаем. Если мы ее сделаем, то, возможно, победим. Но, к сожалению, сейчас наука в своей части пока в эту систему никак не вписывается. В смысле ей поручено вписаться, но она технологически никак не может сама себя победить и войти в эту систему, хотя это общество знаний.

У нас очень много достижений на мировом уровне, внутреннем уровне, они реально есть. В чем же главная сегодня забота и проблема, которой занимаемся мы, допустим, в Государственной Думе в Комитете по культуре? Главная проблема, что сегодня не решен вопрос о том, какое же место культура должна занимать в иерархии государства. Исследовав все наше законодательство, мы обнаружили, что мы вообще-то не социальная сфера, потому что единственный закон, где это прописано – Закон «О Правительстве Российской Федерации», и там написано «обязательства Правительства в социальной сфере» и «обязательства Правительства в сфере культуры, науки и образования». Таким образом получается, что мы вроде бы как и не социальная сфера, и я бы хотела коллег призвать задуматься об этом.

И следующая песня, которой мы занимаемся сейчас – это взаимоотношения государства, общества и культуры. За последние три года нам удалось создать документ, который называется «Основы государственной культурной политики», в котором прописаны как меморандум идеи, что мы опираемся на традиционные ценности. Теперь на основе этого документа нужно написать Закон «О культуре». Сегодняшний Закон «О культуре» старше Конституции, но мы 30 лет не можем согласовать четыре версии закона. Почему? Потому что не решен вопрос, в каких отношениях находятся культура и государство. Государство руководит культурой? Помогает культуре? Культура чем-то обязана государству? Эти внутренние связи сегодня не решены. До тех пор, пока это не будет решено, нового Закона «О культуре» не будет, и мы будем решать исключительно локальные проблемы решения тут, тут, совершенствования частных вещей. А это вопрос принципиальный. Вопрос

свободы творчества, вопрос свободы государства по отношению к тому, что оно финансирует. И это вопрос, который сегодня повис в обществе, а решения пока не нашел. Спасибо.

Олег Смолин: Спасибо, уважаемая Елена Григорьевна. Я позволю себе высказать парадоксальную, может быть, мысль. Я во всех аудиториях, где встречаюсь с работниками образования, медицины, науки и культуры, говорю примерно одно и то же: «Не верьте о том, что вы часть сферы обслуживания. Вы никакая не часть сферы обслуживания. На самом деле то место, которое когда-то занимало первое подразделение первого подразделения, в производстве, то есть производство средств производства для производства средств производства, теперь занимает человеческий потенциал, а значит, вы работники что ни на есть сферы производства, причем самой важной – воспроизводство самого человека. Но, возможно, со мной не согласятся.

Коллеги, у нас культура сегодня в приоритете и в каком-то смысле в привилегии. Я предоставляю слово Музычук Валентине Юрьевне, доктору экономических наук, заместителю директора Института экономики РАН по научной работе, профессору школы-студии МХАТ. Думаю, Валентина Юрьевна расскажет нам что-то про экономику культуры, так как Елена Григорьевна в основном про смыслы.

Валентина Музычук: Добрый день, дорогие коллеги! Спасибо большое организаторам форума за приглашение принять участие в его работе. Тематику моего доклада сформулировал для меня Руслан Семенович Гринберг, научный руководитель Института экономики РАН. Я буду говорить исключительно о тех проблемах, которые у нас существуют в системе управления сферой культуры. И, может быть, тема моего доклада звучит очень пафосно – «Унификация, оптимизация, коммерциализация в сфере культуры: Пиррова победа или Тantalовы муки?». Речь идет о том, что, к сожалению, все те реформы, которые проходят у нас за последние 15-20 лет, они действительно очень недружественны по отношению к сфере культуры, и, в принципе, все те недружественные шаги, которые были сделаны в адрес культуры, они, можно так сказать, что та же самая недружественная ситуация наблюдается и по отношению к образованию и к науке. Но я буду говорить о культуре, потому что здесь, на самом деле, нет победителей. К сожалению, с одной стороны, это Пиррова победа для тех, кто проводил эти реформы, и Тantalовы муки для тех, кто, к сожалению, вынужден жить по этим законам.

Если говорить, прежде всего, об одной из ключевых проблем – о лозунге унификации, то получается, что весь бюджетный сектор, независимо от того, это сектор соцзащиты, сферы

культуры, образования, науки, весь бюджетный сектор был приравнен к оказанию этих самых услуг, о которых мы говорим.

[00:46:39]

И вследствие этой унификации произошло игнорирование специфики культурной деятельности. С одной стороны, речь идет о том, что у нас недооценивается, что у нас превалирование творческого труда в сфере культуры, у нас уникальность и персонификация культурной деятельности, что не позволяет ей заниматься в сфере культуры нормированием и стандартизацией, также пролонгированный социальный эффект. Мы не можем результат, потому что вся идеология бюджетной реформы, то самое бюджетирование, ориентированное на результат, было направлено на этот самый результат. Но в сфере культуры, впрочем, как и вообще в отраслях гуманитарного сектора, этот результат не сиюминутный, он отложенный. Поэтому, безусловно, это нужно учитывать, и важен не только результат, но и сам процесс.

[00:47:31]

Сфера культуры была сведена к оказанию услуг, и сейчас, если мы посмотрим уставы наших учреждений культуры, то мы увидим, что они реализуют функции госоргана по оказанию услуг населению. И поэтому, если мы хотим действительно помочь культуре и выбраться из этих тисков бюрократизации, то нужно переходить от этой унификации в сторону специализации, и нужно учитывать специфику отраслей гуманитарного сектора экономики. А та триада, результат качества и конкуренции, которая рефреном шла через всю бюджетную реформу, административную реформу, показывает, что те институты, которые созданы, они превращаются в институциональную ловушку, и начинают работать ровно обратным образом, нежели это было первоначально задумано.

Следующий вопрос связан с оптимизацией в сфере культуры. Все мы знаем, что в математике это выбор лучшего из возможных решений, но, к сожалению, в рамках Минфина оптимизация свелась к глобальному сокращению учреждений культуры, и, прежде всего, это коснулось действительно низовых очагов культуры на селе, домов культуры, библиотек. Я привожу эти цифры, но так как нет времени, к сожалению, не могу их озвучить.

И вся эта оптимизация и унификация, как с ней бороться? Мы все говорим о том, что культура – это не услуга, образование – это не услуга, но пока это все слова. Для того, чтобы перейти к активным действиям, прежде всего, необходимо вывести вообще культуру, а также весь гуманитарный сектор экономики из сегмента оказания государственных

муниципальных услуг. То есть учреждения культуры, науки, образования, они не являются продолжением органов власти, и они не оказывают никаких государственных и муниципальных услуг.

Следующий очень болезненный момент для культуры – это коммерциализация, потому что мы знаем сейчас негласный императив, что учреждения культуры должны больше зарабатывать. И получается, что Министерство культуры одним из ключевых показателей отчитывается долей заработанных доходов учреждений культуры. Но, на минуточку, даже по своему уставу учреждения культуры, основная их часть – это некоммерческие организации, поэтому зарабатывание денег для них абсолютно неприемлемо.

[00:50:07]

Культура, к сожалению, перестала трактоваться в терминах просвещения, а исключительно как развлечение, сфера проведения досуга в нерабочее время, и Елене Григорьевна сейчас об этом говорила. К сожалению, искажается и суть экономического эффекта, потому что он из средства достижения социального эффекта превращается в самоцель. И получается, что к оценке деятельности учреждений культуры подходят на основе бизнес-подхода. Поэтому, конечно, нужно отходить от понимания затратности отраслей гуманитарного сектора экономики, и, в общем-то, делать акцент на общественной полезности их деятельности. То есть учреждения культуры, науки, образования.

Очень болезненный вопрос связан с так называемой культурометрией, это по аналогии с наукометрией, когда количественный подход преобладает, и отсюда зачастую экономический инструментарий просто сводится к абсурду. Например, последнее нововведение – это нормы труда в сфере культуры, в театральном деле, например, в части создания декораций эти нормы таковы. Если это небо ясное, день и ночь, то нужно 0,2 человеко-часа за 1 кв. м, если это грозовое небо с характерными особенностями туч, то это 0,4 человеко-часа за 1 кв. м, чтобы нарисовать эти декорации, а если это особо сложное грозовое небо, то это 0,8 человеко-часа. Понимаете? То есть получается, что все время идет акцент на монетизированных показателях результативности, и это все на фоне колоссального увеличения отчетности и документооборота. Поэтому нужно переходить к качественному анализу с привлечением профессионального экспертного сообщества, чтобы перекрыть этот количественный подход отраслевых министерств и ведомств.

И вместо заключения речь идет о том, что мы все время говорим о государстве как о носителе долгосрочных интересов общества, но, к сожалению, сейчас получается, что установки государства изменились в сторону коммерциализации и разгосударствления сфер культуры. Поэтому, конечно, если мы хотим, чтобы культура развивалась, то

необходима программа-минимум. Первое – это повысить общественный статус культуры, как, впрочем, и всего гуманитарного сектора экономики, и специалисты давно говорят о необходимости, может быть, действительно введения поста специального вице-преьера по гуманитарному развитию. Во-вторых, конечно, вывести культуру, как, впрочем, и весь гуманитарный сектор, из сегмента оказания государственных муниципальных услуг, и это очень сложный процесс, наращивать объемы государственных расходов и в сферу культуры, в сферу образования и науки. Предоставить возможность получения бюджетных средств негосударственным НКО, но не за счет тех денег, которые идут на развитие действующей государственной сети. Я имею в виду сейчас проект закона о соцзаказе, и создать координационный орган на представительской основе и Российский фонд культурного развития, которые были заложены в основу государственной культурной политики в 2014 году, но сейчас 2018 год, и, к сожалению, эти институты так и не созданы, а создана комиссия, но она ни разу не собиралась, о фонде пока речи нет.

И закончу я свое выступление словами Конфуция, что если вы не можете достичь цели, это не значит, что вы должны менять цель, нужно просто изменить план своих действий. Я всех призываю действительно, чтобы мы занялись активным планом действий по выведению гуманитарного сектора экономики из сферы оказания услуг. Спасибо.

Олег Смолин: Спасибо. Уважаемые коллеги, мы всегда, так или иначе, сравниваем себя с другими. Если в области балета у нас все в порядке, и армия наша по признанию международных экспертов вторая в мире по мощности, то с экономикой и социалкой не все так хорошо, как нам бы того хотелось.

Совсем недавно опубликованы очередные данные Мирового банка о том, что по уровню валового внутреннего продукта на душу населения мы переместились из второй группы в третью группу стран рядом с Румынией, даже Экваториальная Гвинея где-то оказалась поблизости. Причем это произошло в последние 10 лет. О том, как обстоят дела с точки зрения международных экспертов мы хотели бы послушать Марко Риччери, генерального секретаря Европейского института политических, экономических и социальных исследований. Пожалуйста, Марко, вам слово.

[00:55:14]

Марко Риччери: Спасибо, господин председатель. Для меня большая честь быть здесь. Прежде всего, я хотел бы поблагодарить переводчика за отличную работу на этой конференции. Я хотел бы поделиться с вами нашим опытом в Европе и в Италии. Начну со следующего: сейчас мы наблюдаем значительный сдвиг. На основании этого сдвига социальная политика снова оказалась в центре внимания всех правительств, союзов и

организаций гражданского общества. После многих лет крайнего либерализма произошел сдвиг, и теперь мы наблюдаем большее внимание к социальной политике. Что же служит нам здесь основным ориентиром? Главный ориентир – это Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года, утвержденная ООН, с конкретными целями и задачами. Она накладывает особые обязательства на научный и академический круги. Академическим кругам необходимо разработать решение – конечно же, устойчивое, но также этически приемлемое, а это совершенно иной концепт, касающийся культуры, понятия качества жизни, качества социальных отношений и т.д. Я рекомендую вам прочитать особую программу, прилагающуюся к Повестке дня 2030.

Я начал именно с этого, поскольку данный документ подписан правительствами России, Италии, Европейских государств и т.д., то есть это общее обязательство, общая платформа. Тот же концепт – большее внимание к социальной политике – мы можем найти и в других общих документах, а именно документах, подписанных на саммитах большой двадцатки.

Что же означает этот сдвиг? Во-первых, в документах ОЭСР наблюдается изменение подхода. На протяжении многих лет утверждалось, что на первом месте стоит производство, а уже затем распространение. Теперь же ОЭСР – наиважнейший институт в промышленно развитых странах – заявляет, что нет, это была ошибка, и теперь мы должны рассматривать производство и распространение параллельно как две стороны одной монеты. Когда мы говорим о распространении, речь идет о высоком уровне неравенства, прекаризации и социальной сплоченности нашего общества. Сейчас же произошло значительное изменение подхода, то есть большее внимание уделяется качеству развития, чем его количеству.

Другой важный аспект этого изменения состоит в том, что мы начинаем рассматривать социальную политику в качестве продуктивного фактора. Как правило, считается, что оказание помощи означает потерю денег. Это необходимость, но она не продуктивна. Но нет.

[01:00:00]

Теперь ОЭСР, ООН, Европейский союз, Международный валютный фонд, Всемирный банк заявляют: «Имейте в виду, что социальная политика – это продуктивный фактор». Это очень важный и инновационный подход, и это общее обязательство для всех нас. Я вижу, что подобные идеи возникают и у вас в рамках БРИКС – важного объединения, состоящего из России, Китая, Южной Африки, Бразилии и т.д. Вы проводите встречи с министром труда по вопросам социальной политики. Это очень важные вопросы.

Учитывая европейский опыт, я хотел бы привлечь ваше внимание к следующему факту: в ноябре 2007 года был утвержден Европейский Столп Социальных Прав, в рамках которого Европейский союз планирует разработать новую систему социальных прав. Это очень важно, ведь речь идет именно о правах – не только о политических обязательствах, но и конституционных правах. Этот **(нрзб. – 01:01:33)** считается стратегией для постройки схожего экономического и валютного союза. Это самый важный проект нашего Европейского союза. Они сделали это, поскольку они открыто заявили, что без правильного подхода к социальным проблемам, создание схожей экономической и валютной системы будет невозможно. У меня нет времени рассказать об этом более подробно, но я рекомендую вам прочитать все документы, касающиеся данных новых тем и сценариев в Европе.

И еще одно замечание, а затем я закончу. Учитывая революцию, произошедшую на нашем рынке труда, рынок труда следует считать проходом в систему социального обеспечения – не только инструментом для вхождения в компанию и получения рабочего места, но и для вхождения в систему социального обеспечения в целом. Большое спасибо.

[01:02:52]

Олег Смолин: Большое спасибо, Марко. Уважаемые коллеги, я позволю себе тоже выступить с некоторым сообщением. Если возможно, хотел бы подвести итоги и заодно сказать несколько слов о проблемах, связанных с образованием.

Дорогие друзья, основной тезис, который я хочу сегодня проаргументировать, предельно простой, и заключается в следующем: экономика без человека не может развиваться успешно. Соответственно, то, что полезно для человека, то полезно для экономики, и наоборот от противного – экономия на человеке для экономики крайне вредна.

Давайте мы обратимся к цифрам. За 2008-2016 год российская экономика росла, точнее ползла по 0,2% в год. Если кто-то видел бюджет на 2018-2020 годы, то там от 2,1% до 2,3%, мировая экономика – 3,8%. Президент России в известном Послании Федеральному Собранию, при том, что у нас в страшной моде сейчас конспирология, сказал, что главная угроза для нас – это экономическое отставание, нарастающее экономическое отставание. Это чистая правда. Почему мы нарастаем с нашим отставанием, или, как у нас шутят, почему темпы роста нашего падения замедлились? Ответ очевиден: среди других факторов для рыночной экономики необходимы платежеспособный спрос и дешевые кредиты. Сейчас нет ни того, ни другого. Искусственное снижение уровня жизни населения тормозило развитие экономики. Это тезис № 1.

Далее, уважаемые коллеги. Здесь уже говорилось, что заработная плата в России значительно ниже не только европейских стран, но и других стран с аналогичным уровнем производительности труда. Мы гордимся, что вывели минимальную заработную плату на прожиточный минимум, мы опережали Индию, опередили наконец ЮАР и, соответственно, Бразилию, но мы в два с лишним раза отстаем от Турции или Китая. Почему? Доля работника в созданном продукте в России 25-30%, в развитых странах 55-60%. Всем понятно, что это сказывается на уровне жизни, но не все помнят, что дешевая рабочая сила – это неэффективная рабочая сила. Такая ситуация снижает рост производительности труда, а мы удивляемся, почему он у нас медленный.

Третье. Российские пенсии много ниже греческих. При всем кризисе в Греции, не говоря уже о европейских. Коэффициент замещения пенсий в России, то есть отношение пенсий к средней заработной плате – 32-33%. Понятно, что это вредно социально. Я всегда говорю, не готов отвечать на вопрос, как прожить в России на минимальную заработную плату или среднюю пенсию. Но есть еще и прямой искусственный вред – это снижение платежеспособного спроса и, соответственно, экономического роста.

Четвертое. Уважаемые коллеги, в последние годы Правительство и Государственная Дума, большинство ее – не мы с Еленой Григорьевной – отказались от индексации пенсий работающим. Министр Топилин прямо говорит, что это приводит к снижению жизненного уровня пенсионеров. Это и так очевидно, да? Но есть еще экономический эффект. Мы посмотрели данные Росстата. Оказалось, что после того, как люди ушли в тень, перестали оформляться на работу, потери Пенсионного фонда от этого превысили экономию, которой добился Пенсионный фонд. Кстати, после того, как мы об этом заявили и внесли соответствующий законопроект, данные на сайтах Росстата и Пенсионного фонда изменились. Оказывается, если статистика доказывает пользу социальной политики, тем хуже для статистики – ее надо менять.

Пятое. Повышение пенсионного возраста, которое почти наверняка грядет, потому что, похоже, решение фактически уже принято. А решение, с нашей точки зрения, глубоко ошибочное. 45% российских мужчин не доживают до 65 лет. Как говорил президент страны, поработал, и сразу в деревянный макинтош. Но есть еще и экономический вред того же самого решения, уважаемые коллеги – огромная масса безработных или рабочей силы с низким заработком. Это искусственное снижение производительности труда.

Кстати, в том же докладе, в котором требуется повышать пенсионный возраст, Алексей Кудрин нам что говорит? Количество внедренных роботов на 10 тыс. населения: Южная

Корея – 478, Китай – 36, Россия – 2. Так, может, все-таки роботов внедрять, а не пенсионный возраст повышать?

Шестое – здравоохранение. Я согласен с Павлом Андреевичем, что часто используются деньги неэкономно, но все-таки 4% вместо минимальных 6% не позволяют нашему здравоохранению по-настоящему эффективным. Неслучайно 70% граждан этим озабочены. Есть экспертные оценки, которые говорят, что если бы мы а) увеличили расходы до 6%, б) использовали эти расходы экономно, мы смогли бы сэкономить на больничных, на потерях от ранней смертности, и в итоге наполнить Пенсионный фонд, ликвидировать дефицит Пенсионного фонда. Таковы связи.

Седьмое – экология. Все видят, что происходит в Подмосковье. Но знаете ли вы, что Швеция на переработке мусора сделала большой бизнес? Она свой весь перерабатывает, закупает у других стран, закупала бы и в России, если бы мы ввели отдельный сбор мусора. Введите отдельный сбор мусора, вложите в переработку, и, как ни странно, это станет не затратами, а бизнесом, прибылью.

Восьмое – наука. Уважаемые коллеги, понятно совершенно, что без науки нет технологии, без технологии нет модернизации. Но я хочу сказать об одной позиции. Академия наук констатировала, что с 2013 по 2017 год утечка высококвалифицированных специалистов из России увеличилась практически в два раза. 20 тыс. было, 44 тыс. стало. По данным Алексея Кудрина, общая утечка человеческого потенциала из России за постсоветское время – 18 млн. После страшной гражданской войны прошлого века было порядка 3-4 млн. Герман Греф при этом признает, что утечка человеческого капитала в пересчете на экономический эффект намного опаснее, чем утечка капитала обычного. Обычного капитала утекло, если верить международным оценкам, порядка 2 трлн долларов с начала 1990-х годов и до настоящего времени, уважаемые коллеги.

[01:10:01]

Наконец, близкая мне тема образования. Каждый год Министерство образования и науки представляет нам доклад о состоянии образования и перспективах образовательной политики. Там есть много чего интересного, нет только главного – системных проблем. По моим прикидкам их по меньшей мере 12. Скажу по нескольким словам о некоторых.

Финансирование. Если в области медицины финансирование порядка 2/3 от минимальной потребности, то в образовании порядка половины от минимальной потребности. Это данные Высшей школы экономики, с которой я нахожусь в состоянии постоянной дискуссии. Ни одна страна не провела модернизацию при затратах меньше 7% от валового

внутреннего продукта, а у нас 3,6% по данным ВШЭ. При этом все признают, что образование – ключ к человеческому потенциалу.

Второе – статус педагогического работника. Вы слышали отчет Правительства, что на 94% Майские указы Президента исполнены. Не знаю, как Правительство считало, но по данным Общероссийского народного фронта в 75 регионах из 85 указ Президента в части оплаты педагогического труда не исполняется. И если еще недавно только 22% педагогов были недовольны своим статусом, то сейчас уже около 60% по социологическим опросам.

Третья позиция – это бюрократизация. Она происходит везде: и в науке с принятием Закона «О реформе Академии наук», и в образовании. Кстати, недавно принят закон, который поддержала Академия наук, который чуть-чуть возвращает власть ученым в науке от чиновников. Хотелось бы, конечно, намного больше, но какие-то шаги в правильном направлении недавно Государственная Дума в первом чтении сделала.

Что касается образования. По данным комитета Государственной Думы каждое учебное заведение заполняет 300 отчетов в год по 12 тыс. показателей. Российский учитель – рекордсмен мира по затратам мира на всякого рода бюрократические процедуры.

Электронное обучение. Коллеги, без современных технологий в образовании цифровая экономика невозможна, а нам она действительно необходима. Это общемировая тенденция. И, соответственно, пока у нас нет ни одного электронного университета, в отличие практически всех развитых стран. Среди прочих потерь потери такие. Миллион российских граждан на Coursera, и это прекрасно, потому что они там могут получить приличное образование. Но как работают импортные, зарубежные порталы? Они работают как кадровые агентства. Они быстро отслеживают наиболее успешных слушателей, учеников, или как их назвать, читателей, быстро предлагают им, соответственно, места в зарубежных университетах либо высокотехнологичных компаниях, и утечка человеческого потенциала увеличивается. Остановить процесс невозможно и не нужно. Что нужно делать? Создавать собственные электронные университеты, сопоставимые с иностранными.

И, наконец, последнее, уважаемые коллеги, о чем хочется сказать буквально несколько слов – это проблемы воспитания. Не все знают, например, данные Российской академии образования о том, что еще в 1992-м страшном году нас почти 60% подростков отличались альтруистическим поведением, были способны сопереживать другим, помогать другим, понимать других. Сейчас таких порядка 15%. Я бы, например, задумался над этой проблемой как угрозой национальной безопасности. Мы всегда были страной соборной, общинной, коллективистической. Сейчас конкурентный индивидуализм – реальная угроза

для национальной безопасности страны, наряду с другими. Мы полагаем, что нам действительно нужен другой курс в частности образовательной политики, и основные наши идеи довели не просто до каких-то деклараций, но до проекта закона об образовании для всех. Увы, в Государственной Думе этот закон поддержали три фракции за исключением фракции «Единая Россия». Однако мы полагаем, что нельзя останавливаться, делай, что должно, и пусть будет что будет. Поэтому сейчас последняя законодательная инициатива, с которой мы выступаем – исключить понятие «образовательных услуг» из образовательного законодательства. Повторю, те, кто занимается образованием, не оказывают услуги, а они занимаются самым главным – формированием человека. Спасибо за внимание!

Коллеги, у нас осталось еще 10 минут, и я предлагаю блиц-опрос. Для моих всех коллег это такая неожиданность. Как известно, существует несколько любимых вопросов российской интеллигенции: «Что делать?», «Кто виноват?» и «Где мои очки?». Так вот «Кто виноват?» и «Где очки?» мы спрашивать не будем, спросим давайте каждого из участников дискуссии по минуте, что бы вы предложили сделать в первую очередь для того, чтобы российская социальная политика стала одним из главных ключевых факторов развития нашей модернизации. Давайте в том же порядке. Нина Николаевна.

Нина Кузьмина: Адекватная цена труда, соответствующая значимости этого специфического товара «рабочая сила» в развитии экономики. Дешевый работник никогда не совершит технологический прорыв и не будет в основе так называемой цифровой экономики.

Олег Смолин: Спасибо. Павел Андреевич.

Павел Воробьев: Я думаю, что надо собрать большой кагал, сесть и поговорить: чиновников, практических врачей, ученых, педагогов медицинских. И договориться, что и как мы делаем во имя наших пациентов, потому что медицина для больного, а не больной для медицины.

Олег Смолин: Спасибо. Владимир Викторович.

Владимир Иванов: Мне представляется, что начать надо с постановки целей и задач, и разработать, прежде всего, стратегию развития страны, ориентированную на человека. И второй очень важный момент – полностью поменять структуру государственного управления, заменить эффективных менеджеров на специалистов.

Олег Смолин: Спасибо. Елена Григорьевна.

Елена Драпеко: Я соглашаюсь с моими коллегами во многом, и особенно с тем, что надо менять систему управления. Например, в области культуры. Литература не входит в сферу влияния Министерства культуры. У нас разные вице-премьеры, разные министры. И поэтому основа культуры – российская литература, – она вне зоны досягаемости Министерства культуры. И у нас много других проблем именно в сфере управления гуманитарной сферой. Спасибо.

Олег Смолин: Спасибо. Валентина Юрьевна.

Валентина Музычук: Я коротко скажу, что надо просто уходить действительно от этой унификации, которая насаждается уже последние 15-20 лет. Все-таки нужно идти в сторону специализации, учета специфики отраслей гуманитарного сектора экономики. Если мы хотим развивать креативную экономику, если мы хотим поднимать креативный класс, то это составляющая, то есть это именно работники культуры, науки, образования создают этот креативный класс. И присоединяюсь к тому, что, естественно, менять систему управления, и тот самый управленческий провал, который в настоящее время имеет место быть, нужно будет каким-то образом нивелировать его последствия.

Олег Смолин: Спасибо. Марко, хотите ли вы дать какой-нибудь совет или рекомендацию?

[01:17:45]

Марко Риччери: Чем больше возникает проблем в политике, тем сильнее должно стать сотрудничество между академическими и общественными организациями. Нам необходимо наводить мосты и здесь в качестве инструмента мы можем использовать общую платформу в виде социальной политики, экономической политике, а также политики качественного развития. Это общие проблемы, поэтому давайте работать над ними вместе, используя имеющуюся у нас платформу.

[01:18:18]

Олег Смолин: Спасибо. Позволю себе и я высказать несколько соображений. Первое – я соглашаюсь с тем, что нужна новая стратегия развития страны, иначе отсталость будет нарастать.

Второе. Я думаю, что политическим условием реализации стратегии должен был бы стать союз, широкий блок сил, представляющих интересы, с одной стороны, работников, с другой стороны, национального и социально ориентированного бизнеса. Именно он, на мой взгляд, мог бы повернуть рулевое колесо в необходимом нам направлении.

Третье. Что касается составляющих стратегии, конечно, это вопрос для дискуссий, но, мне кажется, можно было бы опереться на четыре кита. Первое – новая индустриализация, без нее невозможно, опирающаяся на новую технологическую базу, новый технологический уклад.

Второе – это более справедливое распределение. Мы рекордсмены Большой Двадцатки по социальному неравенству.

Третье – вложение в человеческий потенциал, включая, безусловно, образование, медицину, науку и культуру.

И, наконец, четвертое – это очень серьезная разбюрократизация общественной жизни. Это тормоза, которые не дают нам двигаться. Неслучайно в последнее время стали говорить, что символом современной российской бюрократии стали запертые двери в известном центре в Кемерове.

Дорогие друзья, я благодарю всех, кто принимал участие в этой дискуссии.

[01:20:08]

Реплика: У меня есть к вам вопрос. Я скажу, что нужно делать, и что вы не сделали, именно вы, депутаты Государственной Думы VI сессии, продолжаете вы и в VII сессии, хотя закон у вас лежит, и вы на пустом ровном месте не можете его принять. И вы убрали микрофон, не дав общаться с народом, источником власти.

Олег Смолин: Коллеги, я точно ничего не убирал. Что касается закона, который мы не приняли, я готов выслушать, о каком именно законе идет речь. На самом деле, я думаю, что не приняли очень много важных законов ни в VI, ни в VII, ни в V, ни в других составах Государственной Думы. Таковы итоги избирательной кампании в данном случае 2016 года.

Коллеги, заканчивая и будучи готов ответить на индивидуальные вопросы, я хочу поблагодарить всех слушателей, как там написал Андрей Дементьев, пусть другой гениальный играет на флейте, но еще гениальнее слушали вы. Спасибо!

[01:22:01] [Конец записи.]